

Что пишет пресса о Кэсси Берналл

Благодаря ее последним словам Кэсси Берналл называют подлинной мученицей за веру.

Ньюсуик

Мы не ожидали, что наши мученики будут ходить с рюкзаками, думать о своем весе и выпускных экзаменах. История Кэсси загадочна, это рассказ о девочке, отказавшейся от дурной компании, наркотиков и черной магии, от всего темного, что есть в подростковом бунтарстве.

Таймс

Кэсси Берналл — это воистину современная мученица.

Вашингтон Пост

Смерть сделала Кэсси Берналл знаменитой. И хотя ее последний поступок поражает людей своей экстраординарностью... во многом она была обычным подростком.

Нью-Йорк Таймс

В своей смерти Кэсси стала символом и пророком...

Бостон Глоб

Кэсси Берналл стала примером мужества молодости, символом веры подростков.

Лос-Анджелес Таймс

Да. Нет. По обстоятельствам... Время от времени мы видим образцы истинного морального героизма, случаи, когда человек обладает принципами и достаточной силой духа, чтобы отстоять их. Когда

речь идет о человеке столь молодом и мужественном, как Кэсси Берналл, это не просто ободряет, это внушает смирение и благоговение.

Чикаго Трибьюн

Кэсси Берналл столкнулась с основным вопросом христианства... Ее ответ превратил ее в мощный символ веры.

Балтимор Сан

История о том, как Кэсси отстояла свою веру, облетела весь мир. Но она вовсе не была суперсвядой. Она была живым человеком.

Денвер Пост

Величие Кэсси Берналл... — потрясающий возврат к духовности, которая, как думали многие, совсем исчезла в «постхристианской» Америке.

Викли Стэндарт

Для христианской молодежи по всей стране Кэсси Бернелл стала современной мученицей... Ее история — это скорее путь к искуплению, чем к совершенству. Ее принцип — «верь в себя».

Майами Геральд

Возможно, Кэсси — мученица, возможно, нет... Но сила ее истории очевидна.

Детройт Ньюс

Невольное мученичество Кэсси Берналл

Мисти Берналл

Золотые страницы • Москва

www.wolrus.org

Originally published in English under the title

SHE SAID YES

by Misty Bernall

Copyright © 1999 by Misty Bernall

All rights reserved.

Published in Nashville, Tennessee, by The Plough Publishing House, a ministry of
Bruderhof Communities in the UK Farmington PA 15437 USA.

Берналл М.

Она сказала «да» / Пер. с англ. — М.: Золотые страницы, 2015. — 128 с.

История американской школьницы, смерть которой стала свидетельством
живой веры.

Все библейские цитаты взяты из Синодального перевода Библии,
за исключением мест со ссылкой на другой перевод.

ISBN 978-5-91943-040-7

© Издание на русском языке.

ЧУ Издательский центр «Золотые страницы», 2015 г.

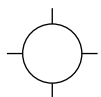
Все права защищены.

Моей дочери Кэсси, девочке, которая несла радость моему сердцу,
и смелой девушке, чья смерть потрясла всю нацию;

тем двенадцати, которые погибли вместе с ней в «Колумбайн»
20 апреля 1999 года от рук двух сумасшедших: Стивену Курноу,
Кори Депутер, Керри Племинг, Мэтью Кечтеру, Дэниэлу Маузеру,
Дэниэлу Рорбоу, Дэвиду Сандерсу, Рэйчел Скотт, Исаии Шоелсу,
Джону Томлину, Лорэн Таунсенд и Килу Веласкесу;

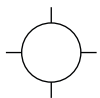
всем тем, кто в тот день пострадал физически и эмоционально
и до сих пор испытывает на себе последствия этой трагедии;

и наконец, моему мужу Брэду и нашему сыну Крису, которых я люблю
нежнее и сильнее, чем прежде.

Оглавление

От издателя.	9
Предисловие.	13
1. Вторник	17
2. Папина дочка	29
3. Она написала: «Убить!»	43
4. Домашнее сражение	59
5. Поворотный пункт	75
6. Испытание любви	83
7. Умирая, мы живем	105
8. Размышления	115
Признательность	126

От издателя

Спустя несколько недель после трагедии, которая унесла жизнь их дочери и еще четырнадцати человек в «Колумбайн», Брэд и Мисти Берналл обратились в издательство «Плау» в надежде, что мы сможем помочь им поделиться историей Кэсси с широкой аудиторией. Книга «Она сказала “да”», ставшая результатом этого сотрудничества, основана на воспоминаниях авторов, на письмах и записках, оставшихся после смерти их дочери, и на обширных интервью с ее одноклассниками, друзьями и знакомыми. Хотя точная хронология ужасных событий, имевших место в «Колумбайн Хай» 20 апреля 1999 года, включая подробности смерти Кэсси, никогда не будет восстановлена, описание, которое приводит автор, базируется на рассказах тех, кто остался в живых в библиотеке (основное место событий), и учитывает различные варианты их воспоминаний.

Издательство «Плау»
Кэсси Рене Берналл
(06.11.1981–20.04.1999)

*P.S. «Честно говоря, я хочу жить полностью для Бога.
Это страшно и трудно, но это стоящее дело».*

Из записки, которую Кэсси написала вечером накануне гибели
и передала утром в школе своей подруге Аманде.

Предисловие

В нашем мире, где подростков постоянно обвиняют в том, что они ленивы, эгоистичны и равнодушны к окружающим, сама мысль о таком человеке, как Кэсси, подобна целительному бальзаму. Кэсси уникальна как личность в той мере, в какой уникален любой из нас, и в то же время она — типичный подросток, бьющийся над типичными подростковыми вопросами: Кто я? Любит ли меня Бог? Волнует ли Его то, что происходит со мной? Имеют ли хоть какое-то значение мои поступки?

Да, Кэсси, твоя короткая жизнь имеет огромное значение. Ты поняла, что каждый день нам приходится делать выбор, и из того, что мы выбираем, и складывается наша личность. Твое исповедание веры не было случайным — это был результат твоего каждодневного выбора.

«Ты веришь в Бога?» «Да».

Кэсси не смогла бы ответить на этот вопрос, если бы она день за днем не задавала его себе и не отвечала утвердительно. И день за днем ее «да» исходило из все большей глубины сердца, души и разума, пока наконец ее исповедание не стало столь глубоким, что она смогла его высказать, даже когда это угрожало ее жизни. Воистину, она заплатила за него жизнью.

Кэсси вряд ли захотела бы, чтобы ее считали мученицей. Многие сегодняшние подростки на ее месте ответили бы так же, несмотря на влияние окружающих, пытающихся отвратить их от того, что в глубине души они считают истиной.

Она сказала «да»

И все же, если не считать Кэсси мученицей, ее жизнь и смерть, ее «да» никогда не будут забыты учениками школы «Колумбайн Хай» и, конечно же, теми, кто прочтет рассказ о ее короткой жизни.

Верим ли мы в Бога? Да, Кэсси. Благодаря тебе.

Гошен, Коннектикут

Июль 1999 г. Мадлен Ленгл

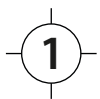

*Иногда вдруг загремит гром с ясного
неба, иногда на мирную семью — без
предупреждения о собирающейся буре
и без малейшего толчка, говорящего
о приближающемся землетрясении, —
вдруг обрушивается ужасный удар,
и с этого момента все меняется.*

*Воздух становится плотным
от облаков и не может освободиться
от влаги. И все же закат может стать
прекрасным.*

Джордж Макдональд

Вторник

День 20 апреля 1999 года начинался в нашем доме как любой другой. Без пятнадцати шесть Брэд, мой муж, уехал на работу, и чуть позже я стала будить детей. Заставить подростков встать утром с постели — всегда большая проблема, но в тот вторник мне пришлось особенно тяжело. Кэсси допоздна просидела над уроками, и ее учебники были разбросаны по кухонному столу. Кошачий туалет тоже требовал ее внимания, в результате мы сильно задержались с завтраком. Помню, я изо всех сил старалась не читать ей мораль насчет того, что она должна успевать делать по утрам...

Около половины восьмого Крис поцеловал меня на прощание, вернее, подставил щеку, как он делал последнее время (ему исполнилось пятнадцать), и с шумом сбежал по лестнице. Кэсси задержалась у двери, чтобы надеть ботинки — свои любимые черные вельветовые «мартинсы», которые она таскала в любую погоду, даже с платьем, — подхватила рюкзак и выскочила вслед за братом. Свесившись через перила, я крикнула ей вдогонку, как делаю всегда: «Пока, Кэсс, я люблю тебя». «Я тебя тоже, мам», — буркнула она в ответ. Пройдя через двор, она миновала калитку и пошла через футбольное поле к школе, которая всего в ста ярдах от нас. Я оделась, приготовила себе кофе, заперла дверь и поехала на работу. В обед мне позвонил Чарли, наш приятель, и спросил, не слышала ли я о стрельбе в школе. Я сказала, что ничего не слышала. Мы с моим приятелем Велом только что собирались перекусить в местном супермаркете. Я старалась не поддаваться панике. Во-первых, вряд ли

это имело отношение к Кэсси и Крису, наверное, просто какие-то парни повздорили на автостоянке. И потом я всегда считала школу «Колумбайн» довольно спокойным местом. Может быть, я ошибалась? Я решила позвонить Брэду, просто чтобы узнать, не слышал ли он чего-нибудь. Мой звонок застал Брэда дома: он неважно себя чувствовал, и поэтому раньше уехал с работы. Я сказала ему о звонке Чарли, и он ответил, что слышал то же самое от Кэти, приятельницы по работе. Кроме того, он слышал несколько выстрелов, но не придал этому значения. Было обеденное время, когда на улице всегда много ребят, любящих пошалить с петардами.

Поговорив со мной, Брэд оделся и вышел во двор. Повсюду за забором было множество полицейских. Вернувшись домой, он включил телевизор и поймал выпуск новостей. Почти сразу же пошел репортаж о событиях в школе. Внезапно обрывочные сведения сложились воедино, и Брэд понял, что все это очень серьезно.

«Мои глаза еще скользили по экрану, когда я опустился на колени и обратился к Богу с мольбой обо всех этих детях. Естественно, мои мысли были сосредоточены на Кресе и Кэсси, но в то же время в глубине души я был уверен, что с ними все в порядке. Нам почему-то кажется, что если несчастье случается с кем-то, настолько близким нам, мы обязательно должны это почувствовать. Я же ничего не чувствовал».

Следующие тридцать шесть часов были кромешным адом. Когда я добралась до «Колумбайн», сотни обезумевших родителей и родственников, полицейских и минеров, репортеров и просто зевак толпились вокруг школы. Это было настоящее столпотворение.

Известные нам факты говорили о серьезности положения, однако было очень трудно объединить все весьма противоречивые детали. Наверняка мы знали только то, что двое неизвестных во-

оруженных мужчин ворвались в школу, заставив учащихся лечь на пол, при этом они стреляли. В обезумевшей толпе все кого-то искали, люди плакали, молились, обнимали друг друга или просто стояли в оцепенении, наблюдая разворачивающуюся перед ними хаотическую сцену.

Наконец, часть родителей, чьи дети учились в «Колумбайн», отправили в ближайшую начальную школу «Ливуд», чтобы там они ожидали сообщений полиции, остальные собрались в помещении городской библиотеки, поскольку «Ливуд» не мог вместить такую массу людей.

Обстановка напоминала зону боевых действий. Вскоре появились списки раненых и тех, кто не пострадал. Задыхаясь, я металась от одной группы школьников к другой, громко выкрикивая имена Криса и Кэсси, в надежде узнать, не видел ли их кто-нибудь, при этом я успевала следить за поступающими сообщениями. О том, чтобы попасть на территорию школы, не могло быть и речи — весь школьный городок был окружен плотным кольцом вооруженных полицейских.

Вскоре после полудня объявился Крис; он сначала пробрался в ближайший от школы дом соседей, а потом уже прибежал домой, где сидел у телефона Брэд. Муж позвонил мне на мобильный телефон. На какое-то мгновение я вздохнула с облегчением: слава Богу, теперь нам приходилось искать только одного ребенка. Но это облегчение длилось несколько секунд, не более. Затем мои мысли вернулись к Кэсси. Где моя дочь?

Многие спасшиеся бегством школьники были сразу же увезены на автобусах в безопасные места, другие, как Крис, сами убежали из школы и прошли часы, прежде чем их местонахождение было обнаружено. Раненых (имена многих из них оставались невыясненными) спешно увозили машины «скорой помощи». Некоторые дети часами прятались в туалетах и классах по всему зданию школы. Другие же, как мы узнали позже, умирали, истекая кровью.

Около пяти часов тем из нас, кто все еще ожидал известий о своих детях в помещении городской библиотеки, было сказано, что последний автобус со школьниками уже вышел из школы и что мы должны встречать его у «Ливуда». Мы с Брэдом и Крисом, которые уже несколько часов были вместе со мной, бросились в машину и погнали ее, стремясь добраться до «Ливуда» как можно быстрее. Нам нужно было проехать всего несколько кварталов, однако дорога была ужасна. Почти все ведущие к школе улицы были перекрыты, а те, что оставались открытыми для движения, были запружены грузовиками и фургонами всевозможных радио- и телекомпаний Денвера. У нас над головой ревели вертолеты телевизионщиков, впереди и позади нас выли сирены. Мое волнение достигло предела, сердце бешено билось.

Наконец мы добрались до школы «Ливуд». Выпрыгнув из машины, я посмотрела сначала в одну, потом в другую сторону улицы, изо всех сил вытягивая шею, чтобы лучше видеть. Автобуса не было. Мы ждали. Проходили минуты, мы смотрели и смотрели из конца в конец улицы. Автобуса все не было. Наконец нам стало ясно: никакой «последний автобус» из школы не выходил. Я не могу описать свое отчаяние. До сих пор у меня еще оставалась надежда на лучшее, но теперь? Я чувствовала, что меня обманули, возможно, не преднамеренно, но все же обманули, и я была совершенно раздавлена.

Несколько недель спустя мы узнали, что уже к восьми часам того вечера полицейские были уверены, что все найденные дети мертвы. Но они не сообщали об этом, не имея окончательного подтверждения этих данных, поэтому я продолжала цепляться за соломинку. Я утешала себя мыслями, что, может быть, она где-то прячется. Она всегда была сообразительной, может быть, она смогла найти безопасное место. Я надеялась, что она не ранена. Или пусть лучше будет ранена, но только жива. По крайней мере, если она ранена, кто-нибудь поможет ей. Только бы она продержалась

эту ночь, пока кто-нибудь найдет ее... Поистине, надежда — это единственное, что поддерживает вас в такой ситуации, даже если эта надежда совсем призрачная.

К половине десятого я поняла, что больше не могу выносить это напряжение. Полиция все равно не давала больше никакой новой информации, и мы с Брэдом решили пойти домой. Это не означало, что мы сдаемся, вовсе нет. Просто не было никакого смысла слоняться вокруг «Ливуда» остаток ночи. Вернувшись домой, Брэд забрался на крышу сарая во дворе. Он хотел своими глазами увидеть, что происходит в школе.

«С крыши сарая мне была видна вся школа. Через бинокль я смог заглянуть прямо в окна библиотеки. Я видел желтые буквы на синих куртках сотрудников ATF; они ходили по комнате, наклонив головы, как будто что-то искали. Я не мог рассмотреть, что они делают, и подумал, что они ходят вокруг тел, ища взрывчатку. Позднее мы узнали, что они нашли десятки гранат».

Около одиннадцати часов со стороны школы послышался взрыв. Мы бросились по лестнице в комнату Кэсси, думая, что сможем увидеть из ее окна пламя, дым или что-то еще, но ничего не было видно. Ничего, кроме темноты, прорезаемой красными и синими вспышками на крышах полицейских и пожарных машин на Пьерс-Стрит. Должно быть, взорвалась граната. Я дрожала от ужаса. Что если Кэсси еще жива?

Усталость свалила меня, я попыталась уснуть. Но это было совершенно невозможно. Стоило мне закрыть глаза, как начинался кошмар, и я в ужасе вскакивала. Я снова и снова видела Кэсси. Кэсси, сжавшуюся в комочек в темном туалете, не решающуюся выйти; Кэсси, истекающую кровью на полу где-нибудь в коридоре; Кэсси, отчаянно зовущую на помощь, которая все не приходит. Как мне

хотелось взять ее на руки, погладить ее по голове, обнять крепко-крепко, закрыть собой, плакать и смеяться! Ужас ее отсутствия, ее пустой комнаты был совершенно невыносим.

Взяв подушку Кэсси с ее кровати, я зарылась в нее лицом и вдохнула запах — запах Кэсси. Запах моего ребенка. Никогда еще мне не приходилось так плакать.

В половине четвертого утра я наконец встала и оделась. Мы с Брэдом дошли до угла улицы Полк, где стояла машина шерифа. Полагая, что водитель мог бы сказать нам что-нибудь новое, мы попытались расспросить его, но он бормотал что-то невнятное. Тогда Брэд сказал: «Послушайте, скажите нам правду. У нас есть причины думать, что наша дочь все еще в школе. Остался там кто-нибудь живой?»

Водитель ответил: «Ладно, скажу вам прямо. Живых там нет».

Даже теперь, когда положение стало отчаянным, я не была готова сдаться. «Всегда остается шанс, что она где-нибудь прячется, — говорила я Брэду. — Может быть, она ранена, но в госпитале ее не внесли в списки. То, что они говорят, что владеют всей информацией, еще не значит, что они действительно все знают».

Только спустя двадцать два часа, уже в четверг, мне пришлось окончательно сдаться. Около двух часов ночи раздался телефонный звонок. Служащая из офиса следователя, ведущего расследование этого злодеяния, сообщила нам то, чего мы так боялись, хотя и ожидали услышать. Тело Кэсси было опознано. Теперь не оставалось ничего иного, как принять, что наша дочь действительно ушла навсегда и никогда больше не вернется домой. Но как может мать принять такое? И снова я плакала и плакала, как никогда раньше.

* * *

Как мне потом рассказывали, в то утро около одиннадцати пятнадцати Кэсси, с рюкзаком на плече, вошла в школьную библиотеку, чтобы выполнить свое последнее домашнее задание по англий-

скому языку — прочесть очередной отрывок из «Макбета». Кристел, ее близкая подруга, тоже была в библиотеке.

«Мы с Сарой и Сетом пришли в библиотеку заниматься, как делали всегда. Минут через пять вбежал учитель, крича, что в холле какие-то вооруженные парни. Сначала мы подумали, что это шалости старшеклассников. “Успокойтесь, — сказал Сет, — они просто валяют дурака”. Но тут послышались выстрелы, сначала в холле, потом все ближе и ближе. Мисс Нельсон закричала, чтобы лезли под столы, но ее никто не слушал. Вдруг вбежал парень и сразу же упал на пол. Все плечо у него было в крови. Мы бросились под стол. Мисс Нельсон стала набирать 911. Я ужасно дрожала, поэтому Сет обхватил меня двумя руками; рядом с нами съехала Сара, ухватив меня за ногу. Тут в библиотеку вошли Эрик и Дилан. Они стреляли и говорили что-то вроде: “Мы ждали этого момента всю жизнь”, — и радостно вскрикивали после каждого выстрела.

Тогда я понятия не имела, кто они такие, — их имена я узнала потом, — но их голоса звучали ужасно. В то же время они выглядели очень счастливыми, как будто играли в веселую игру и получали удовольствие. Они подошли к нашему столу и пинком опрокинули стул, который, падая, ударил меня по руке, а Сару по голове. Теперь они были прямо над нами. От страха я едва дышала. Потом они неожиданно вышли из комнаты, похоже, у них кончились патроны. Тут мы бросились бежать. Мы выскочили в боковую дверь, запасной выход, чуть-чуть раньше, чем они вернулись».

С этого момента Кристел потеряла Кэсси из виду, и есть разные версии того, как вела себя Кэсси. Один из школьников видел ее под столом: она сидела, сложив руки в молитве; другие говорят,

что она оставалась сидеть на стуле. Джош, студент-второкурсник, разговаривавший со мной через несколько недель после трагедии, вообще не видел ее, но он говорит, что никогда не забудет того, что слышал, затаившись под столом футб в двадцати от нее.

«Я ничего не видел, когда эти парни подошли к Кэсси, но я узнал ее голос. Я слышал все очень ясно, как будто они были совсем рядом со мной. Один из них спросил, верит ли она в Бога. Она помолчала, как будто не зная, что ответить, а потом сказала "да". Она, должно быть, очень боялась, но голос ее не дрожал. Голос был твердым. Они спросили почему, но не дали ей возможности ответить. Они уложили ее на месте».

Джош так объяснил себе, почему они задали этот вопрос именно Кэсси: вероятно, они увидели, что она молится.

«Я не вижу причины, почему бы они стали задавать такие вопросы тому, кто не молился. Она же не разговаривала с ними. Я слышал, как они болтали все время, пока были в библиотеке. Сначала они подошли к Исаии и стали его дразнить — называть негром, а потом убили его. После чего начали смеяться и аплодировать. Все это было для них веселой игрой. Когда они вышли, я вскочил, схватил за руку Бриттани, и мы побежали. Помню, как я вытолкнул ее в дверь и вскочил вслед за ней...»

Одним из первых представителей власти, побывавших на месте преступления на следующий день, был Гари, член нашей церкви и следователь департамента шерифа графства Джефферсон.

«Войдя в школу, мы разделились на семь групп. Убитые оставались там всю ночь, поскольку следователям необ-

ходимо было убедиться, что все запротоколировано, прежде чем они приступят к сбору улик. Войдя в библиотеку, я увидел Кэсси и сразу же узнал ее. Она лежала под столом рядом с другой девушкой. Кэсси была убита выстрелом в голову с очень близкого расстояния. Пулевое ранение говорило о том, что в момент выстрела дуло касалось кожи. Вероятно, она пыталась защититься рукой, так как кончик одного пальца был снесен пулей, но больше она ничего не успела сделать. Смерть наступила мгновенно».

Каждый прошедший день все больше отдаляет нас от 20 апреля, но подробности никак не хотят тускнеть. Иногда они всплывают в памяти столь живо, как будто все произошло вчера. Доктора говорят, что мозг способен забыть боль. Возможно, это так. Но вот сердце — забудет ли оно? И если где-то, в укромных уголках сознания, и можно найти хоть какое-то утешение, то, вероятно, только в тех моментах простого счастья, которые связывали нас как семью воедино в ту последнюю неделю жизни Кэсси. Сами по себе они очень незначительны, но, как ни странно, за них можно ухватиться, и хочется мысленно переживать их снова и снова.

Несколькими неделями ранее мы с Брэдом возили детей на весенние каникулы в Брекенридж, ближайший лыжный курорт, и поскольку у нас оставались неиспользованные билеты, мы решили позволить Крису и Кэсси прогулять один день (мы никогда так не делали), чтобы билеты не пропали. Они отправились в Брекенридж в четверг. Помню, я смотрела, как они уходят со своими сноубордами и думала, что нам с братом никогда не приходилось делать ничего подобного. Как здорово, что мои дети настолько близки, что им приятно вместе заниматься тем, что они оба любят!

В пятницу дети вернулись в школу, а в субботу был школьный вечер. У Кэсси не было парня, как и у ее лучшей подруги Аманды, но тем не менее девушки решили повеселиться.

«Мы не могли пойти на вечер — мы неудачницы, и у нас нет парней, — но в тот вечер фирма, где работает моя мама, устраивала большой банкет в “Марриотт”, поэтому мы с Кэсси решили принарядиться, сделать прически и пойти туда. Мы здорово повеселились».

Поздно вечером в субботу Кэсси позвонила мне из «Марриотт», чтобы сказать, что она отлично проводит время с Амандой и ее матерью Джил. Она собиралась забежать домой и потом пойти еще на школьный бал. Вскоре она уже носилась по дому с Амандой, хлопая дверцами шкафа, — ей нужно было переодеться. Она сказала мне, что вернется домой рано, потому что они с Амандой не знают, как там все получится. Вернулась она в шесть часов утра. Понедельник и был понедельником. У Кэсси скопилась масса уроков, так как она ничего не делала весь уик-энд. Обычно по понедельникам она сидит с ребенком моих друзей, но в тот день они обошлись без нее. Мы поели все вместе, что бывает у нас не так уж редко, хотя и не каждый вечер. После ужина она уселась за уроки. Оглядываясь на этот последний в жизни Кэсси вечер, я вижу ее сидящей здесь, в кухне. Она, конечно, не успела сделать всю положенную ей домашнюю работу, и я ворчала на нее. Теперь, когда ее нет, в этом очень больно признаваться. Как больно признавать и то, что наши отношения, как правило, хорошие, все же не были идеальными, — ни в тот вечер, ни вообще. Но теперь слишком поздно думать о том, какими они могли бы быть. Самая жестокая насмешка состоит в том, что мы никогда не потеряли бы Кэсси таким образом, если бы не попытались спасти ее, переведя два с половиной года назад в «Колумбайн» из другой школы, где она училась в девятом классе. В то время наши взаимоотношения с Кэсси представляли собой одно непрерывное столкновение; для нас было маленькой победой, если нам удавалось привести ее домой из школы, посадить в кухне и заставить посвятить вечер таким обыденным делам, как семейный ужин или выполнение уроков. Но это уже другой разговор.

